

Артиллерийская разведка в динамике наступательного боя

Разведка наблюдением в динамике боя позволяет разгадать и своевременно предупредить маневр противника и спланировать наперед решающее влияние на исход боя. Практически мы у себя в части организуем ее следующим образом. В ходе наступления выдвигаются подвижные наблюдательные пункты в передовые роты и батальоны, которые, продвигаясь вместе с ними и действуя по приказу общевойсковой командира или самостоятельно, вызывают огонь своих батарей и дивизионов на обнаруженные цели. Перед тем как приступить к выдвиганию в глубину обороны противника своих наблюдательных пунктов, артиллерийские наблюдатели-корректировщики на танках. Работа таких подвижных наблюдательных пунктов во всех случаях блестяще себя оправдывает.

Продолжим этот на двух примерах. Стрелковая часть получила задачу проорать оборону противника на всю тактическую глубину. Немцы на этом участке занимали передовые позиции на возвышенности. Передний край был образован двумя линиями траншей, идущих по гребню высоты. Подступы к нему преграждали проволоочное заграждение и минные поля. Второй оборонительный рубеж находился в глубине и не просматривался с наших основных наблюдательных пунктов.

К началу действий мы тщательно изучили передний край обороны немцев. Все выявленные цели были точно засечены и данные по ним подготовлены. Уже обстановка делала это необходимым, о котором имелись весьма скудные сведения.

После 40-минутной артиллерийской подготовки наша пехота быстро овладела передним краем и завладела бой в глубине вражеского расположения. И вот на этом этапе борьбы глазами и ушами нашей артиллерии сделались подвижные наблюдательные пункты. Личный состав таких пунктов включал в себя двух разведчиков со стереотрубой, двух радистов с радией и двух телефонистов. Все эти люди под командой офицера находились при командире батальона или же при командирах наступающих рот.

Выйдя на гребень высоты, наши наблюдатели получили возможность свободно просматривать глубину вражеской обороны. Выгоды этого сказались незамедлительно. Одна из наших стрелковых рот, на левом фланге с которой передвигалась подвижная наблюдательная группа лейтенанта Бузюнина, натолкнулась на упорное сопротивление немцев. Противник, сосредоточивший на этом участке до батальона пехоты, предпринял сильную контратаку во фланг, поддерживаемую танками. Лейтенант Бузюнин с помощью радио донес об этом в свой штаб. Получив донесение, командир дивизиона Бороховский немедленно открыл заградительный огонь всех своих батарей. Наши снаряды накрыли вражескую пехоту и положили два танка. Оставив 60 трупов, немцы отошли. Контратака была сорвана.

В это же время другая наша стрелковая рота, находившаяся правее, пользовалась замаскированностью противника, бросилась вперед и с ходу ворвалась в первые траншеи. Противник, считавший отрыв этой роты от основных сил, быстро подбросил сюда до батальона пехоты и повел сильную атаку, решив, видимо, уничтожить

вырвавшиеся вперед подразделение. Сознавая реальную угрозу полного уничтожения нашей роты. Видя всю эту картину, гвардии лейтенант Булатов поставил в известность артиллерийское командование. При этом он указал район, куда вышла наша пехота, направление контратак врага, а также координаты его пехотных огневых точек, наносивших большой ущерб.

Вся наша группа быстро открыла огонь по указанным целям. Разрывы наших снарядов плотной завесой встали перед фронтом атакующей вражеской пехоты. Угроза гибели вырвавшегося подразделения была ликвидирована. 120 немцев и один танк были уничтожены огнем нашей артиллерии и стрелковой роты. Таким образом отличная работа подвижного наблюдательного пункта командира Булатова помогла не только спасти от окружения и уничтожения нашу роту, но дала возможность ей удержаться на занятом рубеже до тех пор, пока подтянулись фланговые подразделения и подошло подкрепление.

По мере развития боя в глубине обороны наши разведчики неизменно своим наблюдением и корректировкой огня оказывали свое влияние на успешное выполнение задачи. Так, например, когда наша артиллерия перенесла огонь за вторую линию немецкой обороны, рядовой разведчик Шумкин доложил в штаб дивизиона, что вновь открыл 8 огневых точек противника и что его пехота по ходам сообщения продвинулась в передние траншеи. Наши батареи, вернувшись к старому рубежу, нанесли неприятельским солдатам. Другой разведчик гвардии рядовой Захаров, заметив накаливание неприятельской пехоты в «Высокой роже», также своевременно донес командованию. Мощный огневой налет по роже сорвал задуманную противником контратаку.

В другом бою за высоту «Н» противник, пытаясь остановить наше наступление, сосредоточил большое количество артиллерии и в процессе боя часто из часу вводил в действие все новые и новые батареи. Нашей части на этот раз пришлось выступить в бой непосредственно с хода, без достаточных сведений о противнике и его артиллерии.

Сложившаяся обстановка требовала вынесения далеко вперед подвижного наблюдательного пункта для просматривания глубины расположения врага. Так мы и поступили. Но на этот раз в качестве подвижного наблюдательного пункта было использовано танк. Возглавлял экипаж этого танка, офицер-корректировщик Дюбан не только обнаруживал цели противника, но и корректировал стрельбу нашей артиллерии. Так, благодаря отличной работе подвижного наблюдательного пункта было подавлено несколько минометных и артиллерийских батарей, отражено три контратаки пехоты противника.

Из приведенных примеров видно, что успех боя в обоих случаях был определен непрерывностью разведки и четким взаимодействием артиллерии с общевойсковыми подразделениями, которых мы поддерживали. Лишь непрерывность наблюдения за противником на всех этапах борьбы давала возможность вскрыть силы противника, систему его огня и успешно влиять на ход боя.

Майор С. КУЗЬМЕНКО.

1-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ. Танк форсирует водную преграду. Снимок нашего фотокорр. капитана А. Капустянского.

УДАРЫ С ВОЗДУХА ПО ВРАЖЕСКИМ ЭШЕЛОНАМ

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ. 18 июля. (По телеграфу от наш. корр.). Еще недавно наши воздушные разведчики отмечали на Н железнодорожном узле врага передовые позиции. Но вот под ударами наших войск затрещала немецкая оборона и враг стал спешно снимать части с другого участка фронта, направляя их к месту прорыва. Железнодорожный узел, о котором идет речь, стал играть в этой переборке резервов важную роль. Нарушить движение на этом узле и воспрепятствовать перевозкам можно было лишь ударами с воздуха.

Действия небольшими группами, штурмовики совместно с истребителями сковавшие движение на этом участке. Особенно успешным был налет группы «Ильинских» и истребителей. Штурмовики вел капитан Башарин, истребители — Герой Советского Союза офицер Сафонов. Над целью истребители прикрыты ушли влево и воспрепятствовали противнику поднять с близлежащего аэродрома самолеты для отражения удара. Штурмовики тем временем атаковали цель. Как потом выяснилось, бомбы попали точно в эшелоны и паровозы. Налет был настолько внезапным, что немцы даже не успели открыть зенитный огонь.

Не менее успешно действовала пара «охотников» истребителей, ведомая младшим лейтенантом Лысенко. В одном полете они уничтожили вражеский паровоз. В другой раз, при встрече над целью с двумя «ФВ-190» завязалась воздушная бой. Оба немецких самолета были сбиты младшим лейтенантом Лысенко и гвардии лейтенантом Погореловым.

За несколько дней летчики Н-ской части вывели из строя 16 паровозов, свыше 60 вагонов, уничтожили много другой боевой техники, а главное — сорвали перевозки противника на важном железнодорожном участке.

КОНФЕРЕНЦИЯ РЕМОНТНИКОВ ТАНКОВЫХ МОТОРОВ

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ. 18 июля. (По телеграфу от наш. корр.). Состоялась первая фронтальная конференция лучших ремонтников дизельных моторов и других агрегатов танков. С докладом о новых методах ремонта моторов и восстановления поврежденных машин в боевых условиях выступил генерал-майор инженерно-танковой службы тов. Бинович. Он привел интересные примеры и факты, свидетельствующие об исключительном мастерстве многих ремонтных подразделений, успешно работающих над продлением жизни мотора. Часть, которой командует майор Цицилия, награждена орденом Красного Знамени. Другая — подполковника Николаенко — орденом Красной Звезды. Под неприятельским огнем бойцы этих частей выполняли порученные машины, вблизи передовой линии производили они ремонт, и танки, восстановленные их трудом, снова шли в бой.

Высокий темп наступления танковых соединений требовал быстрого восстановления моторесурсов. В связи с этим появилась необходимость в более совершенных методах организации ремонта. Ремонтные части сумели своими силами наладить изготовление для моторов и агрегатов новых сложных деталей и отличную реставрацию старых. Широко поставлена в подразделениях работа по изобретательству и рационализации.

В Н ремонтной части хорошо налаженный поточный метод производства позволяет в течение короткого времени восстанавливать нужное количество дизельных моторов, коробок перемены передач и других агрегатов танка. В начале известной Корсунь-Шевченковской операции этой части было поручено в срочном порядке отремонтировать значительное число танковых моторов. Напряженным трудом офицеры, сержанты и рядовые быстро выполнили задание командования.

Фронтальная конференция ремонтников прошла с успехом.

Мастерство офицера Ходимухаметова

1-й ПРИБАЛТИЙСКИЙ ФРОНТ, 18 июля. (От наш. корр.). После артиллерийской подготовки бойцы роты, которой командует старший лейтенант Ходимухаметов, дружно поднялись и пошли в атаку. Словом сопротивление немцев, бойцы вышли в тыл двум ротам противника. Гитлеровцы пытались вырваться из полукольца, но это им не удалось. Взошли младшего лейтенанта Михайлова и лейтенанта Богданова отрезали немцам пути отхода. При поддержке соседнего подразделения бойцы роты Ходимухаметова сомкнули кольцо вокруг гитлеровцев, большую их часть уничтожили, а 75 солдат взяли в плен.

Группа немцев пыталась бежать. Заметив это, наши бойцы стремительно атаковали гитлеровцев и истребили их. Командир взвода лейтенант Богданов с двумя отделениями загнал группу гитлеровцев в сарай и всех их взяли в плен.

Рота офицера Ходимухаметова полностью разгромила две немецких роты.

Заявление немецкого генерала Гофмайстера Командованию Красной Армии

От бывшего командующего 41-м германским танковым корпусом генерал-лейтенанта Гофмайстера Эдмунда

Заявление

Я родился в 1893 году в городе Ашаффенбурге (Бавария). Мой отец — Франц Гофмайстер — баварский офицер, был убит в 1914 году во Франции, будучи командиром полка. Я окончил баварский кадетский корпус и в 1912 году поступил в 30-й пехотный полк.

До начала мировой войны я служил на разных военных должностях, в том числе в генеральном штабе.

1 октября 1939 года я был назначен командиром 21-го пехотного полка, а 1 марта 1940 года был произведен в полковники.

С начала войны с Советским Союзом я сражался на Восточном фронте.

25 июня 1944 года я был назначен командиром 41-го танкового корпуса.

К моменту русского наступления в Белоруссии, начавшегося в 20-х числах июня, я командовал «группой Гофмайстера», в которую входили: 46-я пехотная дивизия под командованием генерал-майора Энгельса, 388-я пехотная дивизия, которой я командовал лично, и 6-я пехотная дивизия под командованием генерал-лейтенанта Гейне.

Эта группа входила в состав 35-го армейского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Лютцова.

На второй день июньского наступления русских участки обороны 35-го армейского корпуса и 41-го танкового корпуса были прорваны русскими войсками, а командующий 9-й армией, в состав которой входили 35-й армейский и 41-й танковый корпуса, генерал от инфантерии Пюркхарт был отозван в ставку.

В связи с этим генерал Вайдинг был назначен командующим 9-й армией. Вместо него командующим 41-го танкового корпуса был назначен я, а «группа Гофмайстера» была распущена.

На 25 июня с. г. в 41-й танковый корпус входили следующие соединения: 388-я пехотная дивизия под командованием генерал-майора Гир, 20-я танковая дивизия под командованием генерал-лейтенанта Кессель, а также находившаяся на марше 36-я пехотная дивизия под командованием генерал-майора Конради.

Вечером 25 июня, выполняя приказ армии, я занял оборону западнее Бобруйска.

В ночь с 25 на 26 июня в мой корпус прибыли остатки 6, 36, 45, 134 и 296 пехотных дивизий. В результате этого общая численность корпуса достигла 20.000 человек, однако, не менее 6.000 из них были ранены. Эти дивизии были сильно потрепаны в предыдущих боях. Командование 35-го армейского корпуса, по известным мне причинам, отдало приказ этим дивизиям взорвать все имевшиеся у них на вооружении орудия.

Утром развились бои за Бобруйск. Русские атаковали со всех сторон.

В ночь с 25 на 26 июня войска моего корпуса были полностью окружены. Остатки 20-й танковой дивизии попытались пробиться в Бобруйск, но в боях с русскими танками за мост восточнее Бобруйска потеряли все свои танки и вошли в Бобруйск, имея на вооружении лишь несколько штурмовых орудий и пушек.

27 июня я получил из армии приказ силами 388-й пехотной дивизии оборонять город Бобруйск, а 41-й танковый корпус под моим командованием совместно с другими частями должен был пробиваться в северном направлении.

Вечером того же дня я получил два приказа о том, чтобы любой ценой удерживать город Бобруйск. Утром 28 июня мне было приказано сдать Бобруйск и со всеми силами пробиваться в северном направлении. Но этот приказ пришел с опозданием на 24 часа.

В течение последующих 6 дней я находился в непрерывных боях с русскими войсками, во время которых русские моторизованные и танковые силы все время навязывали бой моим потерпевшим подвижность частям и постепенно их уничтожали. Вместе с небольшой группой в 12 — 14 человек мне удалось добраться до деревни Погорелое. В этой группе находился также командир 383-й пехотной дивизии генерал-майор Гир.

К этому времени в Погорелом немецких частей уже не было. Спустя примерно 4 часа в Погорелом появились русская пехота и кавалерия, которые последовали на север.

Надеясь встретить части 9-й армии, я укрылся в болотистом лесу, однако, через 3 дня вынужден был послать парламентера к русским и сдаться в плен.

Так наши свой конец 41-й танковый корпус и основные силы 35-го армейского корпуса.

Эта катастрофа явилась результатом не только превосходства сил русских, но и следствием допущенных грубых ошибок германской стратегии. Эти ошибки в основном сводились к следующему:

Линия обороны 35-го армейского корпуса, проходившая между Днепром и Березиной, была слишком растянута и недостаточно сильна. Командиры соединений предлагали командованию группы армий сократить линию обороны, однако, командование группы армий не имело таких полномочий.

За 7 или 8 дней до начала русского наступления командующий группы армий генерал-фельдмаршал Буш прибыл в мое расположение в лесу около Мормаль и заслушал мой доклад.

В докладе я указал ему на невыгодность моих позиций и просил разрешения отойти, чтобы сократить линию фронта. Однако, фельдмаршал Буш заявил мне, что Гитлер запретил всякое отступление и приказал защищать каждый метр земли. Хотя на мой взгляд этот приказ был ошибочным, я вынужден был его выполнять.

Я должен заявить также, что поражение в Белоруссии является не единственным примером бездарного командования Гитлера.

Когда фельдмаршал Лееб, Лист, Рундштедт, Бок, Браухич, генерал-полковник Гальдер и многие другие начальники указывали на эти ошибки, Гитлер прогонял их с занимаемых ими должностей, а то и отстранял от командования. Мы имеем этому целый ряд примеров.

Стратегия, которую проводил Гитлер, привела к поражению под Сталинградом и поколебала веру немецкого народа и германской армии в военное руководство Гитлера. Эту веру еще более поколебала отставка генерал-полковника Гальдера, потому что он не был согласен с такой стратегией.

В то время, когда немецкие войска находились под Сталинградом и проливали глубоко в районе Кавказа, Германия не имела достаточных резервов, чтобы удержать такую территорию. Гитлер должен был бы отвести войска, чтобы иметь возможность держать сокращенный фронт. Однако, он отдал приказ войскам удерживать всю линию фронта.

Эту ошибку видели пожилые генералы, которые имели большой военный опыт и военное образование. Молодые же генералы, например, Роммель, Дитль, Шернер, Кейтель и другие, которые не прошли большую военную школу, не заметили этой ошибки. Казалось бы, Сталинград был хорошим уроком, тем не менее такие ошибки продолжались. К ним следует отнести наступление на Орловско-Курской дуге в июле 1943 года против больших

русских сил, о которых не было известно германскому командованию, попытки удержаться на Нижнем Днепре, окончившиеся окружением немецких частей, и, наконец, катастрофа в Белоруссии.

Все это, естественно, вызывает недовольство со стороны опытных немецких генералов и усиливает недовольство к гитлеровскому руководству.

Однако, недовольные таким положением генералы вынуждены молчать, так как генерал-фельдмаршал Кейтель заявил, что любая критика германского руководства будет караться смертной казнью.

Гитлер сам знает о недовольстве к его командованию и предпринимает мер к тому, чтобы подлечь настроение.

Так, с этой целью в Германии было введено три или четыре курса, на которых руководители германского правительства пытались развить генералам свою политическую линию.

Я лично в конце мая этого года в числе других 150 генералов и адмиралов, командиров дивизий и корпусов был также вызван на такие курсы в местечко Зонтофен и был на приеме у руководителя германского правительства Геббельса, Гимлера и Гроссе. Это совещание продолжалось пять дней, в течение которых выступали фашистские партийные деятели Геббельс, Гимлер, Гроссе, фельдмаршал Кейтель и другие партийные деятели. Они говорили о том, что мы войну обязательно выиграем, но как, какими средствами, кто не сказал. Генералы слушали, но не могли ничего сказать на это. После совещания в Зонтофене мы направились в резиденцию Гитлера в Берхтесгаден, где он обратился к нам с речью.

Гитлер выглядел больным. Опухшее лицо, тихий голос и путанный разговор.

В своей полуторачасовой речи Гитлер неоднократно говорил о трудностях того периода, когда национал-социалистская партия пришла к власти. Он говорил о том, что хотел стать архитектором и художником, но в результате катастрофического исхода мировой войны и Версальского договора он был вынужден стать государственным деятелем. Он также говорил о больших успехах своей деятельности, об освобождении Рейнской области, говорил о восстановлении германской армии.

Затем Гитлер указал на то, что Германия, якобы, подверглась нападению со стороны Франции, Польши и Англии, и если бы он не опередил Россию, то последняя также напала бы на Германскую империю. В заключение Гитлер заявил о необходимости продолжаться до полной победы, которая придет.

Для того, чтобы продержаться, он рекомендовал нам — генералам заниматься национал-социализмом. В заключение Гитлер заявил также, что мы победу одержим, но не сказал, как и какими средствами.

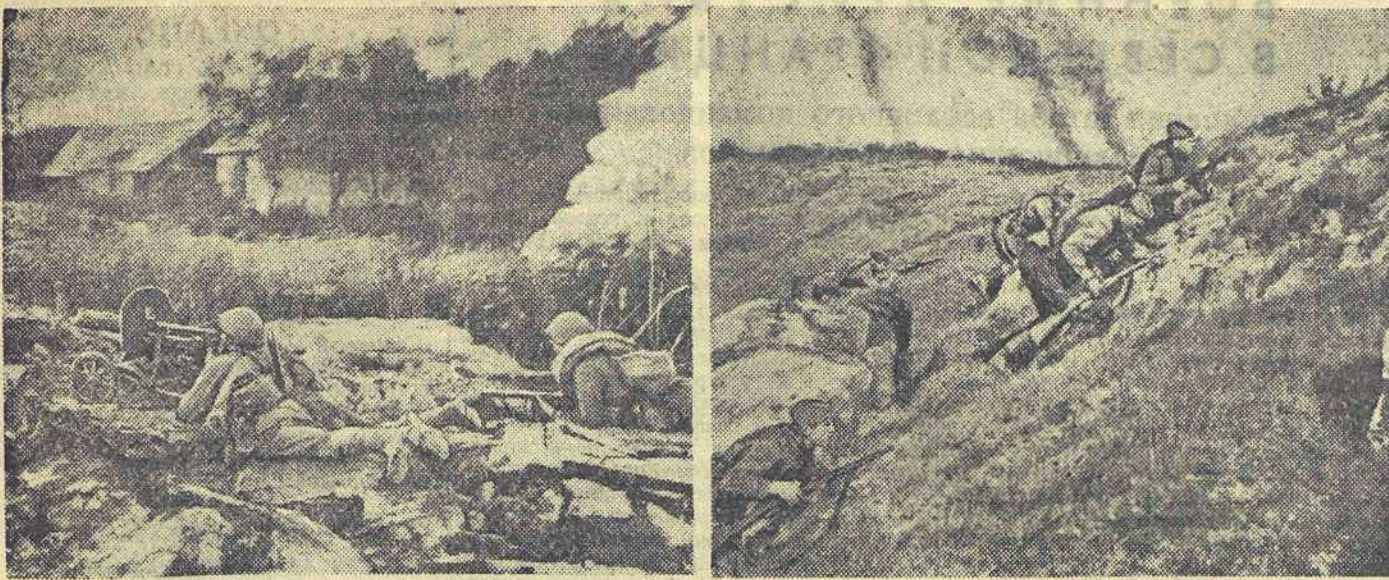
Как и следовало ожидать, часть молодых генералов была возмущена речью Гитлера, а старые и опытные генералы отнеслись к ней скептически, ибо каждый из нас пришел к выводу, что пустыми словами о государстве, о победе, о вере в национал-социалистское положение на фронте не спасти. Для этого необходимы солдаты, пушки, танки и самолеты.

Германии придется ответить на вопрос, каким образом она сможет создать основы для ведения переговоров о мире с другими государствами, с Гитлером они переговоры вести не станут, следовательно, необходимо создать другие предпосылки.

Заявление написано мною на даче под Москвой.

Я ничего не пишу против его опубликования.

ГОФМАЙСТЕР.

НА ЛЬВОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ. 1. Бой за населенный пункт. Расчет станкового пулемета ведет огонь по немцам. 2. Бойцы штурмуют высоту. Снимки нашего спец. фотокорр. старшего лейтенанта Г. Хомзоро.

Прорыв на Львовском направлении

Мощное наступление войск 1-го Украинского фронта на Львовском направлении началось три дня тому назад. Наступающим предстояло прорвать здесь сильную, глубоко аэрированную оборону немцев. Неприятель давно ожидал удара с нашей стороны и поэтому делал все, чтобы укрепить и усовершенствовать свои позиции.

Еще в первой половине прошлого месяца на Львовском направлении были отмечены усиленные работы немецких сапер, которые улучшали оборонительные сооружения и минировали подступы к ним. Одновременно немцы тщательно прикрывали дороги, мосты, овраги, высоты, которыми могли бы воспользоваться наши наступающие войска. Наконец, немецкое командование приняло все меры, чтобы уберечь свои передовые части от первого сокрушительного удара советской артиллерии по переднему краю обороны и тем самым обеспечить возможность упорного сопротивления в глубине. С этой целью немцы стали уводить на день основные силы своей пехоты из траншей первой линии, оставляя там на все светлое время лишь по 10—12 человек от каждой роты.

Как раз эта последняя мера предосторожности и оказалась роковой для неприятеля. Наше наступление началось здесь несколько необычно: ему не предшествовала общеприятная в подобных случаях мощная артиллерийская подготовка. Советская артиллерия начала действовать уже тогда, когда передовые отряды нашей пехоты одним стремительным броском и сравнительно легко овладели первой линией вражеских траншей. Как только это совершилось, артиллерия, а потом и авиация обрушили массовые удары на глубину вражеской обороны, и немцы не выдержали. Сначала медленно, а затем все быстрее, они начали отступать на запад, оказывая, однако, сильное огневое сопротивление нашим передовым отрядам и предпринимая на некоторых рубежах яростные, но безуспешные контратаки. Так, на одном участке, прикрываясь с фланга труднопроходимыми болотами, немцы бросили в контратаку до полка пехоты при поддержке 40 танков и 48 бомбардировщиков. Но и эта контратака была отбита нашими войсками столь же успешно, как и все остальные.

Бой, разгоревшийся на участках прорыва севернее и южнее города Броды, был крайне ожесточенным уже в первый день наступления. Чтобы дать представление о масштабах этих боев, достаточно упомянуть, что наша авиация, действующая по переднему краю обороны немцев и их ближайшим тактическим резервам, сделала за день не одну сотню

(От специального корреспондента «Красной звезды»)

самолето-вылетов. За это же время над нашими войсками появилось до 300 бомбардировщиков и истребителей противника. В воздухе возникло 36 напряженных боев, и в каждом из них только с нашей стороны участвовало от 5 до 30 самолетов.

Еще более яростной была борьба на земле. Всюду стремились задержать продвижение наших войск, противник ввел в бой четыре танковые дивизии. Правда, вскоре они оказались изрядно потрепанными. Массированные удары наших бомбардировщиков по районам выгрузки и сосредоточения вражеских танков дали свои результаты. На протяжении целого дня немцам не удалось собрать в кулак свои разрозненные танковые подразделения.

Наступление наших войск продолжалось с неукротимой стремительностью, и наконец первая линия немецкой обороны была прорвана на всю ее глубину. Но за нею начиналась вторая заранее подготовленная оборонительная рубеж противника. Опять пошли многополосные провокационные заградительные в 3 и 6 километров, сплошные минные поля, развитая система траншей и дзотов. Штурмовать этот рубеж с ходу в ночное время было делом весьма тяжелым, и к ночи бой несколько притих.

Наше командование постаралось использовать ночь для доразветки вражеских оборонительных сооружений и подтягивания тылов. Немцы, как видно, сосредоточили все усилия, чтобы как-нибудь собрать воедино танковые подразделения, разнесенные нашими ударами с воздуха. Кое-где им это удалось, и на утро следующего дня они бросили в контратаку сразу 110 тяжелых и средних танков. Довольно крупными группами действовали на этот раз немецкие танки и в других местах, но контратаки врага всену не изменили захлебывались под огнем нашей артиллерии, авиации, пехоты.

Наступление войск 1-го Украинского фронта развивалось час от часу. Широкий фронт прорыва, углублялись клыки, вбитые в немецкую оборону. Наступающие, окончательно прорвавшие на ряде участков все полосы оборонительных сооружений врага, овладели городами Горохов и Радехов, подошли вплотную к Золочеву. В это время напряженные боев достигли наивысшей точки. Враг ввел в действие основные силы своей группировки, при-

крывавшей пути на Львов, и попытался нанести сильный удар по левому флангу наших частей. Но этот фланг оказался достаточно крепким. В светлое время его отчаянно прикрывала авиация, заволашывая беспорочное господство в воздухе, а ночью его надежно защищали пехота и артиллерия. Немцы, обескровившие свои части в бесслучайных контратаках, вынуждены были почти полностью прекратить их.

В итоге наша пехота захватила такой прочный опорный пункт врага, как город Золочев, и овладела важной переправой через реку на правом фланге прорыва. Затем последовал неожиданный для немцев удар наступающих на центральном участке, создавший благоприятные условия для разрывания наших подвижных соединений.

Первый эшелон танков и соединений, выдвинувшись из района Золочева, взял направление на северо-запад и овладел городом и крупным железнодорожным узлом Красное, а также узлом железной дороги городом Буск. К этому времени конница, нанеся удар в направлении на юго-запад, форсировала Западный Буг в районе Каменки, а затем двинулась на встречу танкистам. Над центральной группировкой немецких войск, оборонявшей район города Броды, нависла угроза окружения. К вечеру того же дня эта вражеская группировка начала беспорядочный отход, и на рассвете город Броды был полностью очищен от противника.

Такую же стремительность сообщил нашему наступлению ввод в бой танков на северном участке прорыва. Развернувшись здесь механизированные соединения, тоже далеко углубились на территорию, занятую противником. Отлично действующая и наша пехота. Одно стрелковое соединение ночью по лесному бездорожью открыто подошло вплотную к важному на стратегическом пункте и завязало бой на его окраинах.

Три глубоких клыка, вбитые советскими войсками в оборону противника на Львовском направлении, слились сейчас в один и образовали прорыв до 200 километров по фронту и до 50 километров в глубину. Наступление продолжается, причем наши войска наносят врагу тяжелые потери, захватывают пленных.

Подполковник М. ЗОТОВ.

1-й УКРАИНСКИЙ ФРОНТ, 18 июля.

Гроза возмездия

(От специального корреспондента «Красной звезды»)

Вечером под покровом беззвездной июльской ночи войска бесшумно покинули леса, где они были скрытно сосредоточены, и, следуя по ранее подготовленным дорогам, вышли и расположились в некоем подползании для наступления.

К утру, еще далеко до восхода солнца, все было готово для сокрушительного удара. В эти великие для солдата минуты, когда с мгновением на мгновение должна была грянуть страшная для врага и благодатная для нас гроза, мы отразились в воздухе участка предполагаемого прорыва. На твердых скамьях дугах распахнулись крылья, чуть приоткрылись трапы неусслышавшие стая серебристо-зеленых бомбардировщиков, ослепших штурмовиков, темнотозумрудных истребителей. В оврагах, в ложинах, в садах на восточных скатах холмов затаялись длинноствольные орудия из резерва Главного Командования, армейские гаубицы, маленкие, но страшные орудия прямой наводки, тяжелые, средние танки, самоходные пушки, способные разрушать любые укрепления и разнести в куски немецкие «тигры» и «фердинанды». Мы прошли несколько километров, и через каждые 10—15 шагов нам попадались огневые позиции или отдельные орудия.

В окопах, во ржи, в ложинах, в кустарниках и садах затаялись тысячи и тысячи бойцов, вооруженные и снабженные всем, что создала наука и техника войны, всем, что необходимо для победы над врагом.

Наблюдатели в маскированных халатах, в венках, ослепленных из пыльных косов, сами того не подозревая, надевшие венки бессмертия и славы, наблюдали за последними минутами жизни врага. Птицы безмятежно лежали во ржи и на теревьях фронтовой полосы, может быть, не чувствуя здесь присутствия штурмующих батальонов.

Грозные смертельные тучи нависли над немецкими позициями, невидные пока и неслышимые. Тысячи бойцов, тысячи орудий, пулеметов и машин, ослепленных людьми, вобравших в себя весь пек и чаяния народа, ждали последнего приказа командира.

Командарм стоял на гребне холма в старом саду и сквозь ветви яблонь, оглащенные крупными плодами, взглядывал

ся в расстилающуюся перед ним землю, которую его войска по повелению народа должны были за час очистить от врага. Это была украинская земля. Животнейский ее уголок, крутые и пологие холмы, заросшие лесами и садами или открытые солнцу, как озерное зеркало. Это были плодородные теплые долины, полные шумящих ручьев, вишневого сада, солонища и белых хат под тополими. Это были волнистые в золотом горении поля, покрытые созревающим хлебом. Это была земля, взлелеянная украинцами на протяжении многих поколений.

Генерал смотрел на запад. Двенадцать раз Маршал Сталин благодарил его войска за отличные боевые действия, двенадцать раз в честь его войск салютовала Москва. Но может быть ли когда еще эти войска не были так налиты силой своей страны, как теперь, в начале четвертого года Отечественной войны. Армия имела все то, что ждала иметь самая высокая фантазия военного и самая неуязвимая, расточительная солдатская отвага.

Гроза, страшная, смертельная для врага, благодатная для нас, зрела, накалялась над немецкими позициями. Через несколько дней немцы, захваченные нами в плен, сообщили, что офицеры успокаивали солдат тем, что Советы не могут быть и здесь, на 1-м Украинском фронте, сильны так же, как в Белоруссии, что наступать всем фронтом от моря невозможно, но ни с экономической точки зрения, ни с военной. Немцы мерили на свой аршин.

Вся наша страна гордится успехами Ленинградского, Белорусского и Приволжского фронтов. Велики их победы. Вместе с тем вся наша страна ждала, когда начнется наступление 1-й Украинский фронт.

Тихий день июля. И вот грянула гроза. Перед штурмом была проведена разведка боем. В атаку при поддержке огня артиллерии Кубеца пошли несколько ударных батальонов, и так был точен и могуч огонь нашей артиллерии, так стремительно

напор пехотинцев, что немцы, в несколько раз превышающие наши передовые подразделения и по количеству и по вооружению, были сокрушены и раздвинуты. Ворота в оборону противника на этом участке были прорваны. Командарм немедленно поднял в воздух авиацию. Летчики обрушились на коммуникации врага, на огневые позиции, на пути отхода, на железнодорожные эшелоны, на скопления техники, на подходы к резервам. Штурмовая пехота, танки, самоходы, машины, тракторы, конница хлынули в прорывные ворота. Смертельная гроза забушевала над немцами. Прорыв все преграды, наши войска прорвали первую линию, выжили смертельным острием в важнейшие рубежи обороны противника, прошли вторую линию.

Едем по следам ураганного наступления. Первая и вторая линии окопов, огороженные колючей проволокой, минными полями, усеянные блиндажами, стерты с лица земли. Валуны растерзаны, беспорядочные немцы, перебежанные с земли, как муравьи в развороченном муравейнике, как навоз, которым удобряют почву.

Третья линия траншей. Опять трупы и трупы немцев, обрызганные кровью, опять разбитые орудия и доты врага.

Дороги и поля дымятся пылью под нашими машинами, танками, под ногами нашей пехоты. Пыль тлетсится к небу, страстается там с черными тучами пожаров и взрывов. Гремят сотни наших пушек. Сквозь дым еле-еле просветляет солнце. Где-то между дымом и солнцем гудят стая советских самолетов. Гроза движется все дальше и дальше на запад.

Позади наступающей армии на востоке цветет тихий июльский поден. На дорогах улеглась пыль, и накатывая, омытая дождем колея серебрится сверкает на солнце. Беззвучно возвращаются в разоренные гнезда. Первый дымок вытесил из труб уцелевших хат. Сознание льет свои щедрые лучи с голубого неба.

На востоке цветет и зреет жизнь, а гроза возмездия и мести движется все дальше и дальше на запад.

А. АВДЕНКО.

1-й УКРАИНСКИЙ ФРОНТ.

Илья ЭРЕНБУРГ

Путь к Германии

(От специального корреспондента «Красной звезды»)

Две недели я провел с наступающими войсками в Белоруссии и в Литве. Прошло время, когда нас удовлетворяли описания эпизодов, сделанные наспех военными корреспондентами, и еще не настало время для той эпопеи, где художественные детали создадут нечто целое. Мне хочется рассказать о самом главном. Весь мир спрашивает себя: что произошло в течение последних недель? Ведь еще недавно немцы были на полпути между Оршей и Смоленском, а теперь Красная Армия за Неманом, и она спешит, окрыленная горкой, гневом, надеждой, к границам Германии.

В предместье Вильнюса на кладбище Рос был сборный пункт для немецких военнопленных. Шел дождь, и осыпавшиеся чересчур пыльные красные розы. У ворот стояли партизаны — светловолосый литовский крестьянин и смуглая девушка, еврейка, студентка Вильнюсского университета. Каждый десят минут приводили новых пленных. Они глядели тусклыми непонимающими глазами. Бой не замолкал: он шел за дома, за улицы в центре города.

На следующий день летний дождь сменялся осенним. Было очень холодно. Я шел по городу к западной окраине. У лаварета Сквер еще разрывались мины: последние группы немцев пытались зацепиться за лесочек. Горели дома. На тротуарах лежали тела убитых жителей. Мне запомнились мертвый старик: он сжимал в руке палку. Потом мы увидели трупы немцев, брошенные машины с бароколом, с лампаками и пифагором, с пистолетами и наусниками, с железными крестами и с банками крема «для смягчения кожи». Мы прошли в центр города, и необычайная его красота потрясла меня: холмы, древний замок, костелы в стиле барокко, холмы и старые теплые деревца, старые женщины, молящиеся у Остробрамских ворот, и юности-партизаны с граблями, узкие средневековые улицы, напоминающие Краков, Вены, Париж, уллица Писателей и дом, где родился Микеланджело, изогнутые жеманные святые костелы Казимира и Анны и мемориальная доска на православном соборе, напоминающая, что здесь, в городе Вильнюс, император Петр Великий в 1705 году присутствовал на молебствии по случаю победы над Карлом XII, достояние дворца, где стояли гравюры Наполеона, красота жилищ и певучий язык — крайний Запад нашей державы. Бойцы шли в атаку. Я увидел на груди бронзовые медали с зелеными лентами: это были сталинградцы. Они проделали путь от Волги до Днепра, и теперь они прошли к Вильнюсу, и каждый из них знал, что он идет через Неман к Шпрее. Это не эпизод, это даже не глава, это торжественное начало эпизода.

Я скажу еще об одной встрече, чтобы стала яснее грандиозность происходящих событий. Желая оправдать себя, Гитлер говорил немцам, что Нормандия его интересует куда больше, нежели Белоруссия или Литва. Но вот на дес близ Вильнюса появились парашютисты. Зрелище национала карикатуры на лето 1941 года. Я не знаю, надеялся ли Гитлер с помощью этих фишек отстоять город. Интересно другое: парашютисты, солдаты 2-й авиационной дивизии, приехали в Вильнюс на «Ю-52» 8 июля из Нормандии. Я разговаривал с пленным парашютистом Альбертом Мартинсом из 6-го полка наземной дивизии. За несколько дней до своего злосчастного приземления он находился в Абвилье и охранял стартовое поле для пресловутых самолетов-снарядов. Если Гитлер вынужден отравлять солдат из Нормандии в Литву, значит наше наступление его весьма и весьма занимает.

Что же приключилось на центральном участке нашего фронта? Ошибочно думать, будто победа далась нам легко, будто против нас оказались морально подбитые немцы. Мы встретились не только с мощными оборонительными сооружениями, но и с отборными войсками противника. На юге немцы были обескуражены рязом поражений. Немец на Днестре с ужасом вспоминал Дон, на Днепре он помнил Днестр, а Днестр, а Буга, обремененный мрачными воспоминаниями, он становился легким на подъем. Иначе выглядели немцы, защищавшие Витебск или Оршу: им не раз удавалось отбивать наши атаки, и миф о немецкой непоколебимости, давно похороненный на Украине, еще жил в Белоруссии. За два дня до наступления 21 июня фельдфебель Иоганн Штольц писал в дневнике: «Русские явно готовятся к чему-то. Пусть спускается — это будет красивое истребление всех советских сил...»

Даже в начале наступления немцы еще сохраняли чуждую уверенность. 24 июня обер-лейтенант Гребер писал своей жене в Бад Флинсберг: «Ситуация такова, что мы считаем русское наступление диверсией, — чтобы отвлечь внимание от главного удара на юге. Однако небольшой отряд — рота или батальон могут оказаться в неприятном положении... Я считаю, что через месяц здесь будет все спокойно... Жаль мне расстаться с пятинадцатилетней Соне, которая после войны могла бы поступить к нам нянкой, если мы поселимся на востоке. И если ты захочешь ее взять. Она чистоплотная, работящая и выносливая крестьянская девушка. Во всяком случае у меня больше планы о посещении здесь после войны. Деревенский домик в мечтах уже готов, даже клозет. Что ты на это скажешь? С весны до осени здесь хорошо, как в горах Лаузитца, а к зиме можно привезти

путь... Да, как это ни звучит фантастически, обер-лейтенант Гребер 24 июня 1944 года еще мечтал о колонизации России!

Каждый, кто видел рубежи немцев, знает, что не искусство фортификации подвело Гитлера: у немцев было достаточно времени для сооружения оборонительных линий, и немцы не спали. На двадцать-тридцать километров в глубину шла немецкая оборона. Запущали эти рубежи такие крепкие части, как, например, 78-я штурмовая дивизия, сыгравшая среди немцев неоценимую роль.

Немцы ждали удара, но не знали, когда и где в точности он будет нанесен. Они думали, что наступление начнется в Южной Белоруссии. Однако наступление началось в Северной Белоруссии. А когда немцы стали перебрасывать войска в Припяти на Березину, двинулся Первый Белорусский фронт.

Артиллерийской подготовкой предшествовала сильная разведка боем. Противник выдвинул на передний край все свои силы. Зверь побежал на охотника, и охотник не прозевал — сила артиллерийского огня была необычной, по 200—300 стволов на километр.

Если бы немецкое командование успело отвести свои войска после первых поражений на запад, может быть, ему удалось бы спасти часть живой силы. Но немцев еще раз погубила их спесь, их недооценка нашей мощи. Они спешили за землей, и земля их проглотила. Генерал-лейтенант Оксер, командир 31 пд, возмущенно говорит, что его дивизия не прочла под натиском: «Прочнузи сосед». Приятель генерала Оксера генерал Дрейер, командир 267 пд, говорит: «Нас побили другие дивизии». Ганс кивает на Карла, а Карл на Фрица. Тем временем наши части быстро продвигались на запад. Когда были преодолены все линии немецкой обороны, в чистый прорыв были пущены конница и крупные танковые соединения. Танкисты маршала Ротмистрова, генерала Бурдейного и генерала Обухова выбрались на простор и понеслись к западу.

Можно бить врага, гнать врага, но битый и отступающий, он способен собраться с силами и дать отпор. В Белоруссии произошло нечто такое: враг был уничтожен. Немцы, защищавшие Витебск, Оршу, Могилев, не ушли на запад: они остались в земле, либо сидят в сотнях лагерей близ фронта, либо отнюдь не торжественно профинансировали по улицам Москвы. Генерал армии Черняховский, один из самых молодых и блистательных генералов Красной Армии, человек, который вывел с вихором, справедливо сказал мне: «На этот раз мы не ограничились освобождением территории и уничтожением вражеской техники, мы уничтожили всю живую силу противника». Я напомню, что генерал Черняховский был немцем и у Воронеж и на Днепре; у него имеется шкала для сравнений. Напрасно сводил Гитлер разговор об отходе, об опущении городов — немецких дивизий, сражавшихся на Центральном фронте, — больше нет. Немцы, пытавшиеся было оказать сопротивление в Вильнюсе, не были никогда в Белоруссии — тех, белорусских, Гитлер сможет увидеть только со сна.

Через несколько дней после начала наступления немцами было потеряно командование: десятки дивизий превратились в десятки тысяч блуждающих фишек, которые уже зашипили не тот или иной рубеж, а только свою шкуру, пытаясь прорваться на запад.

Трудными лесными дорожками понеслись в Минск, обходя врага, танкисты танкисты. Партизаны им указывали путь, строили мосты. Полковник Лосик говорит: «Шли мы там, где только запыли ходят». Работали над дорогой все, от бойцов до генерала; в один сутки проехали 120 километров; вышли в тыл отступающим немцам; свыше трех тысяч немецких машин с танками и самоходками шли по дороге в четыре ряда. Они не ушли: ни танки, ни машины, ни фишки.

Когда наши танкисты ворвались с северо-востока в Минск, немцев было в городе больше, нежели наших, но эти немцы не подошли на тех, с которыми сражались наши войска в начале наступления, и город был в утробе от врага.

Когда я приехал в Минск, город горел. Выходили дома. А жители уже выходили из подвалов, приветствуя освободителей. Кажется, нигде я не видел такой радости, как в Минске. Кто скажет, что значит пережить три года немецкого ига? А танкисты уже были далеко на западе. Еще не успели убрать у Толочина мешанину из железа и трупов, как началось новое истребление немцев между Минском и Ракувом. Там я видел тысячи и тысячи машин, изроставших танками и авиацией. Клубы пыли были начлены немецкими приказками, письмами, фотографиями голых женщин, всей той божажной дрянью, которую таскали с собой неведомые завоеватели. А танкисты неслись дальше, и с трудом я их догнал по дороге в Лиду.

С завистью сказал мне капитан Монхарт, старый немецкий штабист: «Взаимодействие всех видов оружия обеспечило вашу победу». Это не был фривальт.

ПЛЕНУМ ЦК КП(б) ТАДЖИКИСТАНА

СТАЛИНАБАД, 18 июля. (ТАСС). Стоящая очередной пленум ЦК КП(б) Таджикистана, в работах которого приняли участие секретари обкомов, горкомов и райкомов партии, председатели областных и районных Советов депутатов трудящихся.

Пленум обсудил доклад секретаря ЦК КП(б) Таджикистана тов. Протопопова о ходе выполнения решения ЦК ВКП(б) о

работе ЦК и обкомов КП(б) Таджикистана. Пленум обсудил также доклад председателя Совнаркома Таджикской ССР тов. Курбанова о ходе обработки и поливов хлопчатника и других культур, о проведении уборки урожая и заготовок сельскохозяйственных продуктов.

По общим вопросам пленум принял практические решения.

12-КИЛОМЕТРОВЫЙ КАНАЛ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ

АКТЮБИНСК, 18 июля. (ТАСС). Сдан в эксплуатацию 12-километровый канал колхоза имени Сталина в Мартукском

районе. В этом году канал орошит около 500 гектаров посевов проса, пшеницы, люцерны.

ник, нет, казнить еще пытался себя утопить надеждой, если не на победу, то на какой-то «компромиссный исход», но о советском военном искусстве он говорил, как будто изучил наши передовики. Он бесспорно был прав. Могли ли танкисты пройти от Орши до Немана без нашей авиации? Командиры авиачастей находились в танках. Летчики были глазами наступающей армии. Прекрасные перспективные фотографии ежедневно показывали пути отступления немцев. Огромную роль сыграли «Ильи», они сразу нарушили связь врага, уничтожили его радиостанции. Немцы особенно нуждаются в управлении, предоставленном себе, от мгновения из дисциплинированного солдата превращается в босая. Неменькие офицеры и генералы, потеряв связь со своим командованием, окончательно растерялись: Минск был давно в наших руках, а они еще пытались прорваться к Минску.

Как всегда, самое трудное выпало на долю пехоты, и справедливо говорят генерал Платов, старый русский солдат: «Проставьте нашего пехотинца». Его просят историки и поэты. Сейчас я коротко скажу, что наша пехота шла по сорока километров в сутки, что пропала солдатские ноги от Днепра до Немана, что пехотинцы выбивали немцев из дзотов, гнали болотами и лесами, штурмовали тюрьму Вильнюса, от стен которой отскакивали снаряды, и не передохнув, пошла дальше. Что вело их? Что гонит вперед? Я слышал, как заплынные, измученные люди спрашивали у крестьянок: «Милая, далеко отсюда до Германии?..» Бойцы говорили мне: «Хорошо бы в армейской газете каждый день печатать, сколько километров до немецкой границы». Сколько? Недавно отвечали: двести. Потом полтора, сто. Потом... И со вздохом облетения пенял при мне старшина: «Подходим...» Кроме техники, кроме стратегии, есть сердце, и для сердца не было еще такой неотразимой цели, как страна разбоя: это главное направление возмущенной совести.

Нужно пройти или проехать по длинной дороге от Москвы до Минска и дальше до Вильнюса, чтобы понять тоску солдатского сердца. Мертва земля между Уваровом и Гжатском: ни человека, ни скотины, ни птиц — здесь был передний край. Потом начинается «эша пустын»: сожженные и взорванные немцами Гжатск, Вязьма, Смоленск. Слова поля боя и могилы, мины, проволока. Потом скелет Орши, развалины Борисова и разоренный, изуродованный Минск. И дальше все то же: пещища Ракува, Молодечно, Заславля, Красного, Сморгоня. Но есть нечто страшнее и развалин, и обугленных мамей, и самой пустыни: путь немцев — это путь страшных злодеяний. Когда наши вошли в Борисов, они увидели город обугленных трупов. Это было в лагере СД. Там немцы держали поторы тысячи жителей — мужчин и женщин, стариков и детей. 28 июля, накануне отступления, немцы сожгли обреченных. Часть они погнали в Березину на барку, и барку, облив бензином, подожгли: преступники развлеклись лачане своей гибели. Чудом спасся инвалид с деревяшкой вместо ноги, Василий Воевод: он выкарабкался из-под трупов. Он рассказывает проходимый бойцам о трагедии Борисова. И, слушая, бойцы говорили: «Скорей бы в Германию...» В Борисове бойцы шли мимо Ракуваски, где немцы в течение трех дней расстреляли десять тысяч евреев — женщин с детьми и старух. Дойдя до Минска, бойцы увидели лагерь для советских людей в Комаровке; там немцы убили четыре тысячи человек. Минчане, танкисты Бельювич, узнал в Минске, что немцы накануне убили его сестру — семнадцатилетнюю Таню. Нужно ли говорить о том, что чувствует Бельювич? Вот деревня Бруссы. Была деревня: теперь пепел. Бойцы обступили старика Алексея Петровича Малько. Он рассказывает: «Вчера... Сожгли, проклятые... Двух детей сожгли — Жену и Глашу. У Ильи Шкленникова немцы, убагал, сожгли мать и четырехлетнюю дочь. И снова угрюмо спрашивали бойцов, далеко ли до Германии. Возле Минска есть страшное место — Большой Троицкий. Там немцы сожгли трупы свыше ста тысяч удушенных евреев. Их привозили в душевках, немцы называют эти машины сокращенно «отатанги». Недавно немецкие инженеры усовершенствовали душевубу: «ге-киппаген» — кузов для быстрой окоркивается, выбрасывая трупы удушенных. Желая скрыть следы преступлений, немцы в Большом Троицком жгли трупы, вываливая законных и жгли. Убегая, они убили последнюю партию, сожгли и спеша не дождались. Я видел полуобугленные тела — голову девочки, женское тело и сотни трупов, сложенных, как дрова... Я много видел в жизни, но не скрою — я не мог шелохнуться от гора и гнева. Скажите, о чем думал бойцы в Троицком? Была здесь справедливость: на Могилевское шоссе прорывались окруженные немцы. Рассеивались, наши бойцы дрались с особенной яростью. Немцы не ушли от распыляе снаряды, мины, авиабомбы, пули настали палачей. Был жаркий день, и нельзя было дышать от трупного смрада: сотни немцев еще валялись вдоль дороги. На их лицах был оскал ужаса. А бойцы думали об одном: скорее в Германию! Быстро переключаются танки и самоходки, но всех быстрее идет Справедливость: это она привела нашу армию к Неману и за Неман — к окрестностям границы.

(Окончание следует).

Восстановление памятника тысячелетия России

НОВГОРОД, 18 июля. (ТАСС). Полным ходом идет реставрация памятника тысячелетия России. Исправлены поврежденные осколками авиабомб боковые скульптуры Дмитрия Донского и аллегорическая фигура России. Проборны заделываются ослывом олова и свинца и затем гальваническим путем покрываются бронзой и медью. Работы ведутся скоростным способом.

В ближайшие дни начнутся монтажные работы на нижнем ярусе памятника. В первую очередь будут установлены барельефы, изображающие выдающихся русских полководцев, писателей, государственных деятелей.

После прений, в которых выступили представители иностранных дел Иден, кре-
были утверждены.

**Прибытие Шубашича
в Лондон**

ЛОНДОН, 18 июля. (ТАСС). Как
дает агентство Рейтер, югославский
премьер-министр Шубашич после ка-
кого пребывания в Италии вернулся
Лондон. Его сопровождали два минис-
трства югославского национального
комитета освобождения, которые
были из Югославии и встретились с
в Италии.

**РЕКОРДНЫЙ ПЕРЕЛЕТ САМОЛЕТОВ
«ЛАНКАСТЕР»**

ОТТАВА, 18 июля. (ТАСС). Монре-
альская газета «Газетт» сообщает, что
16 июля самолет «Ланкастер», построен-
ный в Канаде, совершил рекордный беспосадоч-
ный перелет из Нассау (Багамские о-
ва) в Монреаль, имея на борту макси-
мальный военный груз, 13 пассажиров
и членов экипажа. Расстояние в 1.500
миль было покрыто самолетом за 5 ч. 35
мин. В сообщении указывается, что полет
совершен при строжайшем соблюдении
условия, по которому превышение нор-
мы для дальнего полета крейсерской
роль было запрещено.

**Пуск шарикоподшипникового
завода в Австралии**

СИДНЕЙ, 18 июля. (ТАСС). В
Виктории пущен первый в Австралии
шарикоподшипниковый завод. Строитель-
ство завода обошлось в 250 тысяч фун-
тов стерлингов.

**Ответственный редактор
Н. А. ТАЛЕНСКИЙ**